

Маленькие ейчане в годы войны

События великой Отечественной войны на всю жизнь остались в памяти как ее непосредственных участников, так и гражданского населения, жизнь которого в этот период была полностью подчинена военным законам. В числе этих мирных граждан были и маленькие ейчане. Они запомнили войну по-своему, в зависимости от возраста, в котором они тогда находились.

Война рано проявила себя в Ейске, уже в августе 1941 года город начала бомбить авиация противника. Она нацеливалась, прежде всего, на морской порт и аэродром Ейского Военно-морского авиационного училища им. Сталина. Об этом вспоминал в своем стихотворении «Сорок первый» Евгений Александрович Котенко, который в годы войны был подростком:

*Городок прифронтовой:
Слева – море, справа – нивы.
Что ни день – налет, отбой,
Оседают пыль лениво.
Что ни день – бомбежки гром,
Содрогаются домишки.
Цели: порт, аэродром,
Рвут лазурь зениток вспышки.
Городок прифронтовой –
Черных «юнкеров» наскоки,
Вбит алфавит роковой
В биографий наших строки.*

Людмила Васильевна Богданова о Воронцовке и начале оккупации

До войны семья Богдановых жила на улице Ивановской (Армавирская). Отец Василий Максимович Богданов заведовал в городской больнице административно-хозяйственной частью. Незадолго до войны он умер, осталась вдова Мария Ульяновна и две дочери Роза – 16 лет и Люся – 6 лет. Мария Ульяновна, урожденная Фисенко, была участницей восстания против белых в Ейске в 1920 году, членом подпольной Роговской ячейки. У Люси Богдановой была крестная тетя Катя - Екатерина Настоящая, которая жила в Воронцовке, где работала мастером в молочном цехе. За день или два до оккупации Ейска она прислала за семьей Богдановых подводу, возницей был дед Ковтун. Собирались Богдановы в большой спешке, брали с собой только самое необходимое. Некоторые соседи из «бывших» говорили им вслед: «Что, коммунисты, драпу даете?» По пути в Воронцовку Люся увидела справа еврейское кладбище и закричала: «Смотрите, Кремль!» Высокие памятники на

этом кладбище напомнили ей кремлевские башни, которые она видела на картинках в книжке. Хата деда Ковтуна была на краю Воронцовки, в ней и остановились. На следующий день Люся Богданова увидела, как по дороге из Ейска ехала целая вереница мотоциклов с колясками, на каждом было по трое человек. Воронцовская детвора бежала следом за мотоциклами. На главной улице Воронцовки были расставлены столы, покрытые белыми скатертями. На столах стояло угощение, маленькая Люся хорошо запомнила вазы с виноградом и сливами. Вдоль столов стояли с улыбками женщины в белых косынках, они встречали румынских солдат. Урожай с полей той осенью некому было убирать, поэтому в Воронцовке развелись полчища мышей. А потом Люся тяжело заболела и ее, завернув в одеяло, увезли в Ейск за медицинской помощью.

О чем помнят Валентина Федоровна и Виктор Федорович Коноплевы

В начале войны Валентине было 2,5 года, а ее брату Виктору - всего год. Отец Федор Иванович ушел на фронт, а дети остались в Ейске с матерью Марией Андреевной. Виктору Коноплеву запомнилась картина, как во время бомбежек они спускались в небольшой погреб во дворе их дома. В военное время соседи старались помочь друг другу, так им легче было выживать. Питались ейские жители, в основном, кукурузой, из которой варили кашу-мамалыгу, овощами, разной зеленью и еще тюлькой. Мать Мария Андреевна запирала Валентину и Виктора в доме, когда уходила надолго, боялась, что они могут заиграться и уйти со двора. Однажды во время ее отсутствия неожиданно вернулся домой Федор Иванович и постучал в окно. Дети его не узнали, поскольку они были слишком малы, когда он уходил на фронт. Пришла соседка тетя Маруся - Мария Яковлевна, моя бабушка, и сказала: «Дети, это пришел ваш отец». Только тогда они поверили.

Вспоминает Жанн Федорович Зинченко

Наш известный земляк Жанн Федорович Зинченко, выбравший для себя военную профессию и много сделавший для развития отечественной ракетно-космической техники, во время войны проживал в Ейске с бабушкой Верой Ивановной и младшим братом Аркадием. Отец Федор Иванович Зинченко перед войной работал главным механиком ейского завода «Молот». Летом 1942 года он был назначен уполномоченным по эвакуации завода в Ташкент. Детей Федор Иванович оставил в Ейске со своей матерью Верой Ивановной. Его жена Варвара Ивановна умерла еще до войны, оставив двоих малолетних детей. В начале войны Жанну было 5 лет, Аркадию – 3 года. Дети выжили благодаря прозорливости бабушки Веры Ивановны. Она слишком хорошо помнила голод 1933 года, унесший жизни членов семьи Зинченко, и все время сушила впрок сухари. К приходу немцев их у нее накопилось несколько мешков. Надо

отметить, что ейским семьям с детьми помогала в годы войны и Русская Православная церковь – монашки приносили в дома пирожки и другую еду. Практическую пользу семье Зинченко принесли политические книги из библиотеки Федора Ивановича. Произведения Маркса, Ленина и Сталина послужили топливом для печки зимой 1942-43 гг. О военном периоде ейского детства у Жанна Зинченко остались такие воспоминания: «В длинные зимние вечера мы садились у печки, я вырывал из книги один лист, комкал его и бросал в печь, когда он догорал, бросал следующий... Бабушка нам рассказывала сказки и стихи, учила считать и читать».

Юрий Петрович Коротков и его картина «Дети войны»

Ровесником Ж.Ф. Зинченко является ейчанин Юрий Петрович Коротков. Он вспоминает: «Перед оккупацией мама закрыла нашу квартиру и с тремя детьми поселилась у Георгия Лукича Зозули и его жены Анны Матвеевны, маминой старшей сестры, где мы и жили все вместе до 1947 года». У Георгия Лукича был племянник Гена, сын его брата Андрея, погибшего на фронте в сентябре 1943 года. Гена Зозуля был признанным авторитетом среди ейских мальчишек военной поры, старше Юры Короткова лет на пять. Гена везде брал с собой двоюродного братишку Юру, и наблюдательный мальчик запомнил особенно яркие эпизоды. Он видел, как группа жителей Ейска со священником встречала хлебом-солью вошедшую в город румынскую кавалерийскую часть, как разрушали памятник Ленину, а вместо него установили бюст Пушкина, и румынский солдат, забравшись на лестницу, красил его серебристой краской. Гена даже раздобыл себе оружие - парабеллум, срезав его бритвой у одного полица на рынке. Недалеко от дома, где в довоенное время жил будущий Герой Советского Союза Сергей Демьянович Роман, проживал полицай К., до войны работавший в Ейске завгаром. Ночью Гена и Юра старательно нарисовали на воротах его дома черной краской немецкую свастику. Хозяин дома погнался за ними, и маленький Юра не успел убежать. Полицай избил его и затем отшвырнул в колючие кусты, там его нашел Гена и принес домой, после этого Юра проболел несколько дней. Однажды вечером мальчишки сорвали таблички с названиями улиц на немецком языке. В дневнике служащего ейской аптеки Виктора Долженко, который он вел во время оккупации Ейска, есть запись от 22 августа 1942 года: «Почти все улицы переименовали, большинство из них имеют старые (дореволюционные) названия. На углах прибиты дощечки с надписью «Str» и дальше цифры или буква». Вот эти деревянные таблички, целый мешок, сорвав их с домов, Гена и Юра притащили во двор к дяде Георгию Лукичу, вызвав у него и его жены тети Ани настоящий ужас. Она тут же бросилась растапливать печь во дворе, чтобы побыстрее сжечь эти таблички, а сам Лукич караулил у калитки, чтобы никто из соседей не увидел.

Через несколько лет, когда Юрий Петрович Коротков стал профессиональным художником, он написал несколько картин о своем ейском военном детстве. Яркие впечатления того времени, увиденные когда-то детскими глазами, остались у него на всю жизнь. Благодаря профессии художника, а также отличной памяти, он смог передать их людям через свои картины. Одна из них «Дети войны» изображает троих детей в Ейске в 1943 году: автора картины Юру Короткова, его двоюродного брата Геннадия Зозулю и светловолосого немецкого мальчика по имени Альберт. Юрий Петрович даже не знал его фамилию. Этот немецкий мальчик попал в Ейск вместе с оккупационными войсками. Он поначалу плохо говорил по-русски, но затем так сдружился с ейскими мальчишками, что не захотел уходить со своими, сбежал от них и остался в городе. Ему раздобыли где-то матросские ботинки, в которых он изображен на картине Ю.П. Короткова, хотя при этом Гена и Юра, как люди привычные, везде бегали босиком. В Ейске Альберт жил в гараже при консервном заводе, там же он и питался. Главный инженер этого завода даже хотел усыновить немецкого мальчика, но ему этого не позволили. Примерно в 1947 году, когда пленных немцев из Ейска стали отправлять в Германию, вместе с ними выслали и Альберта. В этой, казалось бы, простой картине, заложен глубокий смысл. Все трое изображенных на ней - дети войны, у двоих русских мальчишек отцы погибли на фронте, может быть, у этого немецкого паренька война тоже унесла родных, но в это трудное военное время дети двух воюющих сторон оказались вместе и не питали ненависти друг к другу.

Ейская трагедия в октябре 1942 года

Еще в начале войны в Ейск эвакуировали детский дом из Симферополя, среди воспитанников были и лежащие дети, больные костным туберкулезом. Вместе с детьми в Ейск прибыл и обслуживающий персонал детского дома. Всех прибывших разместили в детском доме Крайсобеса. В Акте от 13 июля 1943 года значится: 9 октября 1942 года, днем к корпусу детского дома подъехали две легковые машины и две грузовых крытых автомашины, в которых находились начальник Гестапо СС № 44-10 города Ейска, оберлейтенант Бедедекер, немецкий комендант города Ейска Кандлер и другие немецкие офицеры и солдаты, в количестве 15 человек. После осмотра детей детдома Крайсо и размещенных в нем эвакуированных детей из Симферопольского детского дома, представители немецкого командования распорядились: солдатам немецкой армии обслуживающий персонал детского дома отстранить и производить погрузку детей в автомашины. 10 октября 1942 года немцы снова приехали в детский дом и забрали тех, кто накануне успел спрятаться. За два дня они вывезли в машине-душегубке за город 102 девочки и 112 мальчиков возрастом от 5 до 17 лет. Специальный автомобиль, в просторечии - «душегубка», внешне он ничем не отличался от обыкновенных крытых грузовиков. Но был сконструирован так, чтобы выхлопные газы

поступали в герметичный кузов, куда загружались подлежащие уничтожению, ничего не подозревающие мирные жители.

Невольными свидетелями этого страшного злодеяния стали трое ейских мальчишек: Владимир Руденченко, Владимир Ярцев и Владимир Ходькин. Им тогда было по 9-10 лет, но ребята уже помогали взрослым – пасли коров между Ейском и поселком Широчанкой. Мальчишки стали свидетелями выгрузки в лесопосадке чего-то из крытых грузовых немецких машин. Издалека ребята видели, что машина приезжала и разгружалась дважды, но они побоялись подойти ближе. Все же, любопытство перебороло страх, мальчишки подошли к этому месту и увидели в глубокой яме большую гору сваленных в кучу детских тел. Владимир Акимович Руденченко помнит, что испытал тогда такой сильный шок, что даже не знал, как добрался до дома и потом еще двое суток не мог прийти в себя.

Часть детей в 1943 году была перезахоронена в городском сквере имени Пушкина, а в 1944 году там был установлен памятник. 9 мая 1963 года Ейским горисполкомом было принято решение за № 177 о переносе братской могилы детей, жертв немецко-фашистской оккупации, из сквера им. Пушкина на городское кладбище. В 1964 году на кладбище появился памятник 214 детям, его автор - архитектор города В. Чиж. 1 июня 1980 года на могиле был установлен новый памятник, изготовленный на Краснодарском художественно-производственном комбинате Художественного фонда РСФСР скульптором Ермаковым. Он и поныне стоит на старом городском кладбище.

Картина Ю.П. Короткова «Дети войны»